

Валентин Юрий
Глазанов Кукин

Борис
Полоскин

Евгений
Клячкин

Валентин
Вихорев

Серег надежд

Нонна
Слепакова

Александр
Городницкий

АНТОЛОГИЯ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ
СЕРИЯ «ГИТАРА ВРЕМЕНИ»
ОСНОВАНА В 2000 ГОДУ

Редакционная коллегия

В.К. Шабанов (руководитель проекта),

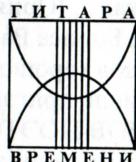
Ф.Я. Суркис (главный редактор),

В.С. Берковский, В.И. Вихорев, А.П. Волошин,

А.М. Городницкий, М.Н. Добындо, Б.Р. Кейльман,

О.Г. Митяев, А.Я. Розенбаум, К.Б. Тарасов,

Р.А. Шипов

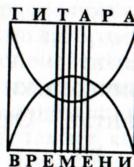
ФОНД ИМ. В. ГРУШИНА (Г. ТОЛЬЯТТИ)

2002

БЕРЕГ НАДЕЖДЫ

Сборник песен
ленинградских авторов

1950–1960-е годы

«БОЯНЫЧ»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2002

ББК 83.3(Рос-Рус)6
Б 48

*Серия
«Гитара Времени»*

Издание осуществлено
по инициативе Фонда им. Валерия Грушина (г. Тольятти)
при содействии АКБ «ФИА-Банк» (г. Тольятти)

Составители
Алла Левитан, Марк Левитан

Художник Алексей Бахтин

Б 48 Берег надежд: песни ленинградских авторов. 1950–1960-е годы./
Сост. А. Левитан, М. Левитан. – Оформл. А. Бахтин. – СПб:
«Бояныч». 2002 г. 448 с., ил.

ISBN 5-7199-0153-1

ISBN 5-7199-0153-1

© А. Левитан, М. Левитан,
составление, 2002
© А. Бахтин, оформление, 2000
© Ф. Суркис, название серии, 2002
© Издательство «Бояныч», 2002

ГИТАРА
ВРЕМЕНИ

ВИКТОР СОСНОРА

---

*Летел Литейный в сторону вокзала.
Я шел без денег и без башибузуков.
Она, моя любимая, сказала,
Что я окончусь в дебрях кабаков.*

Виктор Александрович Соснора родился 28 апреля 1936 г. в Алупке (Крым), отец был акробатом-эквилибристом Ленинградского цирка.

В семилетнем возрасте Виктор попал на фронт, был «сыном полка», служил 2 года снайпером.

Окончил среднюю школу во Львове. Обучался на философском факультете Ленинградского государственного университета. Служил в Советской Армии.

В 1954–1963 годах работал слесарем-электромехаником на Невском машиностроительном заводе.

Первая публикация – стихи в журнале «Огонек» (1960). С 1963 г. занимается профессиональной литературной деятельностью. Автор сборников стихов «Аист», «Возвращение к морю», «Всадники», «Январский ливень», «Триптих», «Кристалл», «Песнь лунная». Автор прозаических произведений «Башня», «Книга пустот», «Дом дней», «Властители и судьбы».

Лауреат премии Аполлона Григорьева (2000).

«НО ПОЮТ ЛЮДИ...»

Как-то в прошлом году, когда в отделе мы думали о планах на девяносто второй, решили в рубрике «Стихи-песни» дать два-три микроинтервью с авторами городского романса 50–70-х годов и, разумеется, сами романсы – кем-то не забытые, кем-то полузабытые, а кому-то и вовсе не знакомые. Сразу подумалось о Горбовском, о Сосноре...

С Виктором Соснорой кто-то познакомил меня в университете. Давно это было, во второй половине пятидесятых. Многие подробности той жизни рассеялись во времени, то, что, видимо, нужно было памяти, – западло в нее на годы.

Помню один из вечеров в общежитии филфака. В комнате, в центре, на стуле у стола, уставленного по-студенчески скромной (но по нынешним временам – просто роскошной) снедью, сидит в расстегнутой рубашке темноволосый, загорелый, подтянутый, тонкий, как джигит, Соснора. И только удивительно беззащитная улыбка выдает его смущение, робость, неуверенность. На четырех койках – впритык – обитатели этой и других комнат, и еще на стульях, на подоконнике – кто где.

Но вот улыбка улетучивается с его лица. Виктор берет гитару^{1/}, касается струн и начинает петь:

Летел Литейный в сторону вокзала...

И несмотря на все нарастающую дерзость припевов, которых мы ждем, затаив дыхание, пока Виктор поет куплет, чтобы залихватски пропеть вместе с ним в очередной раз: «Ушел я круто...», – как вся эта песня грустна, и вся про нас, и хоть мы бедны (стипендия – крохотная), но без башмаков не ходим – все равно про нас.

Попробуйте подряд прочесть одни куплеты (без припевов). Все в них безадресно, неопределенно, туманно. Но в этой зыбкости и полунаемках – вся прелесть, очарование, магия самых обыкновенных слов. Не берусь утверждать, что так воспринимали песню все мы. Я – так. Думаю, что и многие, кто слушал ее в те годы, – примерно так же. И хоть началась «оттепель», но мы-то видели, как с ноябрьской демонстрации 1956-го наших университетских уводили с Дворцовой площади за лозунги в поддержку венгерской революции. Некоторых увели надолго.

Все вроде бы было благополучно. И государство наше высилось неизъляемым оплотом мира и социализма над унылой равниной загнивающего капитализма. И все-таки... Перед последним куплетом абсолютная тишина воцарялась в тесной комнате общежития. И после паузы, тихо, хором, мы начинали: «Шатаясь, как (снова пауза и – уже во всю мощь молодых голосов) устои государства...». И столько было в этом юного озорства, бесшабашной удали и... фронды. Вот по всему по этому это была наша песня – о нас, про нас.

Когда Соснора сказал мне, что сейчас ее, наверное, не помнят, я возразил. Поют. Все эти три с лишним десятка лет. И не было ни одной – по

^{1/} По словам В.А. Сосноры, на гитаре он никогда не играл. Это были маленькие треугольные гусли.

любому поводу и в любом составе – встречи бывшей университетской братии, чтобы не пели на ней «Литейный».

Я уже говорил вначале, что публикацию романов мы решили предварять небольшими интервью с их авторами. Но тут возникла сложность. Дело в том, что несколько лет тому назад Соснора тяжело заболел. В ту пору лето он проводил, как правило, на хуторе, близ Отепя. Один из острых приступов болезни начался там. Состояние было тяжелейшее. И эстонские врачи сделали все, чтобы Соснора выжил. Он выжил. И встал. И вернулся к работе. Но долгое и мощное лечение антибиотиками не прошло даром. Виктор потерял слух. Нет, он не чувствует себя изолированным от мира. Есть у него и слуховой аппарат. В разговоре он хорошо считывает слова с губ. Меня, во всяком случае, он всегда понимает. И все-таки общение затруднено. Разговор приходится поддерживать с карандашом и бумагой в руке. Словом, жанр интервью явно не подходил...

Когда я рассказал Виктору о нашей затее, он очень обрадовался, засиял, сказал, что никогда не думал, что об этом кто-нибудь вспомнит и что песни его кому-нибудь понадобятся. Я сказал и про интервью и тут же предложил: «Хочешь, не буду тебя мучить вопросами, а сложу их все в кучу и дам тебе. А ты в кучу ответишь. Идет?» – спросил я. «По рукам», – ответил Виктор. Вот мои вопросы «в кучу».

Хотелось бы, Виктор, чтобы ты рассказал об обстоятельствах написания твоих песен (особенно – самой первой из них): время, место, ситуация, побудительный мотив (желание попробовать себя в жанре или – откликнуться на моду, да мало ли что?). Как долго работал над ней? Сразу ли мелодия родилась? Словом, как она, песня, возникла в тебе, что ты знаешь о ее судьбе, после того как она «оторвалась» от тебя и зажила самостоятельно? И еще. Может быть, если захочешь, несколько слов о песнях (романсах 50–70-х годов), может быть, кого-нибудь из авторов назовешь. Что думаешь о судьбе жанра? Пишишь ли песни сейчас? Сколько всего написал? Вот такими тебя завалил вопросами. Заранее – спасибо!

Я попросил его еще сами стихи непременно в авторской редакции, ибо мы впервые вводим в читательский обиход эти песни, так пусть уж текст будет авторский, а то бытует много искажений, «исправленных» вариантов. Даже в «Литейном» поют, кто – «Ушел я круто...», кто – «Потерял я круто...». Соснора согласился.

Через некоторое время, в установленный день, я пришел к нему в Дом творчества в Комарове. «Все готово. Как договорились», – с порога сказал мне Виктор, усадил, дал машинописный текст ответа и стихи. И сел напротив. Окно было распахнуто настежь – в сосны, в небо, в тишину. Впрочем, тишины Виктору хватает... Я читал. Он улыбался, когда улыбался я, и вытягивал шею, заглядывая в страницу, пытаясь угадать, где я читаю и что меня развеселило. Я прочел, встал и пожал ему руку. «Годится?» – неуверенно спросил Виктор и вдруг – на мгновение – в глазах его и в уголках губ скользнула удивительно беззащитная улыбка, та самая, что и тридцать с лишним лет назад, за минуту до того, как он запел тогда «Летел Литейный...» Я положил руку на его плечо. Он просиял.

Прощаясь, я сказал, что считаю его «Майора» одним из первых в нашей литературе произведений о неформальных отношениях в современной

армии. «А что? – лукаво спросил Соснора. – В этом есть резон». И было видно, что он очень доволен за своего майора, а вернее – за пекаря.

Ну, а теперь – его ответы и песни в авторской редакции.

В начале 50-х в «Смене» вышел фельетон «Джон с Горохового переулка» о моем друге, позже летчике-космонавте. Через неделю пошел шквал. «Смена», «Ленинградская правда» (больше газет не было) наперебой печатали сатиры – «Плесень», «Золотая молодежь», «Выродки» и т.д. – это обо мне и моем друге светлой памяти геологе Темпе Смирнове. Мы – дети Невского проспекта, я жил на Стремянной, Темп – на Ракова. Мы ходили в башмаках на толстой подошве, в узких брюках, в галстуках, носили волосы «коком». Хочу отметить особую роль Владимира Ивановича – блестящего мастера-закройщика с Суворовского проспекта, он нас обшивал. Галстуки – вот что привело газеты в бешенство. Аппаратчики и все чиновники из ВЛКСМ ходили еще во френчах, без сорочек. Хрущев впервые надел галстук, едя в Америку. Собирались мы в столовой у Дома искусств. Я не могу писать дальше о меню и блюдах, которые там давали, – сердце бедное трепещет. Через несколько недель отряд невских денди в составе одиннадцати человек был разгромлен ленинградской милицией, а также полным составом артиллерийского и какого-то военно-политического училища.

Такова предыстория песни «Летел Литейный...». Ее пели долго по следующие полки хиппи и студентов. Так что любовный мотив тут несуществен, это, скорее, тризна, плач по собственному покрою юности и о наступлении волюнтаризма в одежде, еде, любви, в книгах и в вине. Я грущу по вину.

А моды на авторскую песню тогда не было, пели песни советских композиторов, не было еще Булата Окуджавы, был один Глеб Горбовский с его «Фонариками», и их пела вся страна, вообразя в них нечто старинное, из кинофильма или из цыганского хора.

Я не только не работал над песнями, но даже не записывал их. Вообще-то мы тогда легко относились к авторству. Я видел свои песни под другими фамилиями, если хотят – могу подарить.

В моих романсах музыка полузамиствованная, она на бывший мотив или смесь из разных, так «Летел Литейный...» – вариация «Аргентинского танго» Чарли Чаплина и мой мотив. Настоящие музыканты городских песен – только Булат Окуджава, Новелла Матвеева и Александр Мирзаян, у остальных – конечно же, не музыка, а напев, это может сочинить (и сочиняет!) каждый.

Я не «песенник», у меня штук десять их, да и то тридцати-сорока летней давности, да и неинтересны они мне, так, для архива времени. Из этого жанра до сих пор кое-как живет среди солдат «Вечер солнце зарыл...». Остальные почти исчезли. Да в Канаде поют мой «Марш белой гвардии», но это я писал специально для театра Ленинского комсомола (спектакль «Дни Турбинных»).

Сейчас я песен не пишу, потерял слух и читать партитуры разучился. Судьба жанра бесперспективна, как рисунки на песке. Но поют люди...

Леонид Левинский
«Аврора», № 2, 1992

* * *

Летел Литейный в сторону вокзала.
Я шел без денег и без башмаков.
Она, моя любимая, сказала,
что я окончусь в дебрях кабаков.

Ушел я круто, –
пока, пока! –
прямым маршрутом
по кабакам.
Сижу и пиво желтое солю.
– Официант, сто пятьдесят! Салют!!

Она была труслива, как лягушка,
и холодна, как в стужу винегрет,
она хотела для постели мужа,
а днем меня хотела для бесед.

Ушел я круто, –
пока, пока! –
прямым маршрутом
по кабакам.
Сижу и пиво желтое солю.
– Официант, по маленькой! Салют!!

Кабак гудит, как зало ожиданий,
но ожидать мне нечего давно!
Все, что болит, конечно, перестанет,
все промелькнет, как кадр из кино.

Ушел я круто, –
пока, пока! –
прямым маршрутом
по кабакам.
Сижу и пиво желтое солю.
– Официант! Четыреста! Салют!

Шатаясь, как устои государства,
я выхожу один из кабака,
я пропил все –
и бобочку, и галстук,
и память о любви наверняка.

Середина 1960-х.
Леонид Симоновский.
Портрет В.А. Сосноры

Ушел я круто, –
пока, пока! –
прямым маршрутом
по кабакам.
Сижу и пиво желтое солю.
– Официант! Полбанки... и каюк...

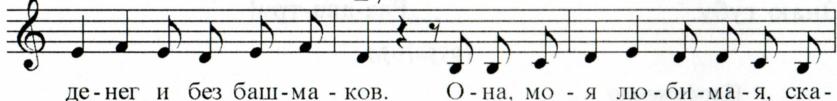
1954

С движением

Am

E7

Am

E7

Am

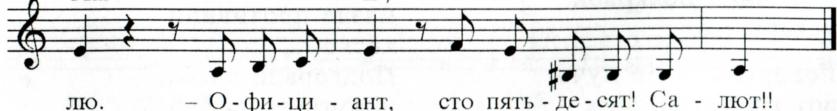
Dm

Am

E7

Am

* * *

Вечер солнце зарыл.
До костей дрожь.
От зари до зари
дождь, дождь, дождь.
Воем воет сержант –
не говори!
– Тверже ногу держать!
Раз, два, три!

Переправлю на юг,
в жаркий каюк,
на губе загною!
Загублю! –

Не грози загубить.
Знаю губу.

Если надо, с губы
убегу!
И не очень пророчь
жареный юг.
Хочешь в темную ночь –
«темную»?
Карабинами в бок
и за погон,
сапогом между ног,
са-по-гом!
Вечер солнце зарыл.
Песня – хрип.
От зари до зари
Раз-два-три!

1955–1956

Напряженно

A musical score for a single melody. The key signature is G major (one sharp). The time signature is common time (indicated by '8'). The melody consists of two staves of music. The first staff starts with an Am chord, followed by an E7 chord, then continues with a series of eighth notes. The lyrics 'Ве - чер солн-це за - рыл.' are written below this staff. The second staff starts with a Dm chord, followed by an Am chord, then continues with a series of eighth notes. The lyrics 'До кос-тей дрожь.' are written below this staff. The lyrics 'От за - ри до за - ри' are written below the first staff, and 'дождь, дождь, дождь.' are written below the second staff. The music concludes with a final Am chord.

* * *

У майора жена –
белобрыса, жирна –
пенка!
И встречался с женой
рядовой – полковой
пекарь.

Говорила: – Не мучь,
вот разнюхает муж –
драма!

Так прикидывалась,
опрокидываясь
в травы.

Вместо масла – ни-ни! –
мазал противини
воском.
Подгорали хлеба,
и роптало на баб
войско.

Приключилась вчера,
как конфорка, черна
ночка.

И заметил майор:
из-за печки ее –
ножка!

Побледнела, как сыр,
подтянула трусы
ловко:
– Он меня изнаси...
он меня изнаси-
ловал!

Что же тут порешить?
Пекаря порешить
надо!

Пекаря повели
в дисципли-дисципли-
нарный!

Стер помаду со щек,
натянул на плечо
сумку.

И сказал рядовой,
отстраняя конвой:
– Сука!

У майора жена
белобрыса, жирна –
пенка!

И встречался с женой
совершенно другой
пекарь.

1955

Расковаанно

Am
У май - о - ра же - на бе - ло - бры - са, жир -

C E Dm
на - пен - ка! И встре - чал - ся с же - ной ря - до -

C E Am Dm
вой - пол - ко - вой пе - карь. И встре - чал - ся с же -

C E Am
ной ря - до - вой - пол - ко - вой пе - карь.

ШАХМАТНАЯ БАЛЛАДА

Жила на свете королева,
чувствительная, как реле,
прекраснолицая, как Ева,
жила мечтой о короле.

Томилась в утепленных залах
без наслаждений и кручин.
До короля она не знала
каких бы ни было мужчин.

Король увидел королеву
и сделал вид, что полюбил,
ее, как лилию, лелеял,
чтоб применить на поле битв.

И вот уж принято решенье,
и гордо крикнуто «ура»,
кровопролитное сраженье
необходимо разыграть.

Враг кроет справа,
кроет слева,
где пешки? – мечутся икрой...
От побледневшей королевы
ушел взволнованный король.

Ушел он на четыре клетки,
Самовлюбленно
крикнув «цел!»

А королеву под коленки
Подрезал саблей офицер.

Могла бы выжить королева,
но умерла – ему назло...
И так сказали поколенье:
– Все от любви произошло.

1958–1959

Конец 1960-х

Эпически

A_m G₇ A_m

Жи - ла на све - те ко - ро - ле - ва, чу - стви - тель -

G₇ A_m G

на - я, как ре - ле, пре - крас - но - ли - ца - я, как

D_m

E₇

A_m

Е - ва,

жи - ла меч - той

о ко - ро - ле.

1998

Берег надежд

песни ленинградских авторов 1950–1960-е годы

Составители Алла Левитан, Марк Левитан

Художник Алексей Бахтин

Редакторы Ф. Суркис, А. Левитан

Музыкальный редактор С. Ильин

Компьютерный набор нот А. Андреев, С. Ильин

Верстка Ф. Суркис

Компьютерный дизайн И. Суркис

Корректор В. Степанов

Нотная запись С.Е. Ильина, В.И. Ланцберга, А.М. Мехлиса,
Л.И. Михайловой, И.В. Москвина, М.Л. Мочаловой, А.В. Святкина,
Л.А. Скворцовой, А.А. Тарасовой.

Фотографии М.А. Балцвиника, Л.В. Белякова, А.В. Бычкова, Г.Г. Дроздецкой,
А.В. Жаркова, О.М. Зябловой, П.Ф. Качанко, А.В. Кошмара, М.В. Леонова,
Г.В. Лисиотич, Ф.Р. Лурье, А.Д. Малкина, В.К. Сачковского, И.И. Стесева,
В.Табакова, Б.И. Тайгина, а также из авторских архивов и из собраний
Н.К. Аккуратовой, Т.Е. Артамоновой, Б.Я. Braslavskogo, В.В. Волкова-
Китайна, Л.Д. Гладкой, С.А. Духовского, И.И. Костиц, Л.М. Кругер,
Н.Ф. Курчева, А.М. Левитан и М.С. Левитана, Л.И. Михайловой,
Л.В. Мочалова, И.В. Нахамкиной, В.А. Огородова, С.Б. Рабинова,
М.В. Серебровской, Т.В. Черкасовой, М.Н. Шишмарева, Г.Н. Щеголевой
и А.И. Яшунской.

ISBN 5-7199-0153-1

Подписано в печать 25.05.2002. Формат 60×90¹/₁₆.

Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,0.

Уч.-изд. л. 28,46. Тираж 10 000 экз. 1-й завод 5000 экз.

Заказ № 604.

Издательство «Бояныч». Санкт-Петербург, 198103, а/я 46.

Лицензия ЛП № 000015 от 01.09.1998.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП «Печатный двор» Министерства
РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Александр
Генкин

Арик
Крупин

Борис
Алмазов

Альфред
Пальковский

Вячеслав
Цветков

Владимир
Москвин

Юрий
Хохликов

Александр
Лобановский

ISBN 5-7199-0153-1

9 785719 901534